

Научная статья

УДК 34

ОБЩЕПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ И ПРИРОДА ГРАЖДАНСКОЙ ДЕЕСПОСОБНОСТИ

Анатолий Анатольевич Бакин¹, Денис Евгеньевич Кузнецов², Руслан Анатольевич Карпов³^{1,2} Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия³ Алтайский институт Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, Барнаул, Россия¹ schizis@inbox.ru² goodjobman@inbox.ru³ karpovruslan71@mail.ru

Аннотация. Цель исследования заключается в комплексном рассмотрении правовой, исторической, социальной, психологической, медико-биологической и политической природы гражданской дееспособности, а также в конкретизации ее видов. Дополнительной целью является обоснование социальной ценности института дееспособности и уточнение наиболее характерных тенденций, присущих его развитию. Научная и практическая значимость данной работы заключается в том, что проблема «дееспособности-недееспособности» анализируется не только сквозь призму концепций отечественных ученых-цивилистов, российского гражданского законодательства, но и с учетом специфических знаний из сферы психологии, судебной психиатрии, психофизиологии. Дается критическая оценка современной неолиберальной идеологии, противоречащей принципам права, дискредитирующей институт дееспособности в странах «коллективного Запада». Полученные результаты могут быть использованы в процессе работы над совершенствованием гражданского, семейного, социального и медицинского законодательства.

Ключевые слова: гражданин, индивид, дееспособность, правоспособность, эмансипация несовершеннолетних, гражданские права, обязанности, гражданский оборот, воля, интеллект, судебно-психиатрическая экспертиза, право

Для цитирования: Бакин А.А., Кузнецов Д.Е., Карпов Р.А. Общеправовые основания и природа гражданской дееспособности // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 2 (31). С. 20–33. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2025/06/003.pdf>.

Original article

GENERAL LEGAL GROUNDS AND NATURE OF CIVIL CAPACITY

Anatoly A. Bakin¹, Denis E. Kuznetsov², Ruslan A. Karpov³^{1,2} Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia³ Altai Institute of Economics of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Barnaul, Russia¹ schizis@inbox.ru² goodjobman@inbox.ru³ karpovruslan71@mail.ru

Abstract. The purpose of the study is to comprehensively examine the legal, historical, social, psychological, medical-biological and political nature of civil capacity, as well as to specify its types. An additional goal is to substantiate the social value of the institution of legal capacity and clarify the most characteristic trends inherent in its development. The scientific and practical significance of this work lies in the fact that the problem of "legal capacity-incapacity" is analyzed not only through the prism of the concepts of domestic civil scientists, Russian civil legislation, but also taking into account specific knowledge from the field of psychology, forensic psychiatry, psychophysiology. A critical assessment is given to the modern neoliberal ideology, which contradicts the principles of law, discrediting the institution of legal capacity in the countries of the "collective West". The results obtained can be used in the process of improving civil, family, social and medical legislation.

Keywords: citizen, individual, legal capacity, legal capacity, emancipation of minors, civil rights, obligations, civil turnover, will, intellect, forensic psychiatric examination, law

For citation: Bakin A.A., Kuznetsov D.E., Karpov R.A. General legal grounds and nature of civil capacity. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025;2(31): 20–33. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2025/06/003.pdf>.

© Бакин А.А., Кузнецов Д.Е., Карпов Р.А., 2025

Введение

Право упорядочивает общественные отношения, обеспечивая их устойчивость, стабильность, определяя границы должного и возможного, воздействуя на индивидуальное и общественное сознание, на эмоционально-волевою активность большей части населения. При этом две функции права традиционно остаются ведущими: регулятивная и охранительная [1, С. 96–98; 2, С. 11–17]. Гражданское право самым непосредственным образом связано с формированием и реализацией отношений, определяемых способностью граждан своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их. То есть в гражданском праве особое внимание уделяется свободе волеизъявления человека и, соответственно, его дееспособности, что закреплено в статье 21 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). И этому есть вполне логичное объяснение. Так, при отсутствии автономной воли хотя бы у одной из сторон, стремящейся участвовать в гражданском обороте, возникновение гражданских правоотношений невозможно. Кроме автономной воли, важно соблюдение принципов равенства, обособленности имущества участников гражданского оборота, возможность защиты нарушенных прав в судебном порядке, а также то, что меры взыскания будут иметь право-восстановительный имущественный характер. Лишь при наличии всех вышеперечисленных условий гражданские правоотношения приобретают характер урегулированных нормами права конкретных общественных отношений, находящихся в состоянии постоянного развития [3, С. 2–7; 4, С. 85–92; 5].

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили: системно-функциональный, диалектический (диалектико-логический), сравнительно-правовой и формально-юридический методы. Указанные способы достижения цели позволили: раскрыть особенности трактовки таких понятий, как правоспособность и дееспособность (сложившиеся на современном этапе развития гражданского права); выявить

специфику осуществления субъективных прав граждан, уточнить критерии ограничения дееспособности.

Результаты исследования

Человеческая мысль прошла долгий путь, прежде чем оказалась в состоянии охватить проблему дееспособности во всей ее полноте и дать сколько-нибудь удовлетворительное теоретическое и практическое ее разрешение. Представление о том, что далеко не каждый индивид (в силу возрастных, физических и умственных способностей) может пользоваться теми же правами, исполнять те же обязанности, что и остальные члены родоплеменного коллектива, общности, клана, касты и т. д. сформировалось много веков назад. История сохранила немало сведений о правителях, подверженных приступам тяжелых психических заболеваний, лишивших их способности понимать значение своих действий и руководить ими, однако правовых норм, ограничивавших их «безумием», фактически не существовало. Так, согласно Ветхому Завету, в определенный период своей жизни Саул и Навуходоносор были поражены «безумием» (соответственно, все властные полномочия присвоили себе лица из ближайшего окружения). В классической мифологии содержатся примеры того, как античные герои («по воле богов») теряли разум и утрачивали собственное волевое начало. Это всемирно известные истории, связанные с Аяксом, Орестом, дочерьми царя Прета, прорицателем Мелампом и т. д. По свидетельству Геродота, спартанский царь Клеомен долгие годы в неумеренном количестве пил неразбавленное вино, в результате царь лишился рассудка (путал день с ночью, времена года, имена членов своей семьи), а в один из дней без видимых причин ударил палкой случайного прохожего. В связи с подобным поведением родственники надели на Клеомена колодки и поместили в изолированное помещение, где тот вначале выл, угрожал охранникам, а потом покончил жизнь самоубийством [6, С. 7–8; 7, С. 11–15].

Истоки учения о дееспособности следует искать в Древнем Риме. При этом важно уточнить, что на протяжении нескольких столетий все элементы дееспособно-

сти рассматривались римскими правоведами в рамках правоспособности. Относительно «внятная» концепция приобретения и осуществления гражданских прав и обязанностей стала формироваться в I-III веках новой в эпоху «юриспруденции классического периода». Фактически в римском праве отсутствовало понятие «дееспособности», вместе с тем активно применялся принцип «самостоятельности», особенно в тех случаях, когда речь шла о правах и обязанностях граждан. Институт правоспособности и категория «самостоятельности» (дееспособность) закрепляли правовое положение римских граждан, что позволяло эффективно преодолевать последствия юридических конфликтов, быстро восстанавливать исходное правовое положение «пострадавших сторон» и, соответственно, поддерживать дальнейшее развитие общественных отношений.

В 1917 году известный русский правовед, профессор И. А. Покровский писал: «Способность быть субъектом гражданского права, способным иметь права, называется правоспособностью; способность своей волей участвовать в гражданской жизни (заключать сделки и т. д.) называется дееспособностью. Хотя полнота качества субъекта предполагает наличность и той и другой, – однако, для самого понятия субъекта существенна только правоспособность. Можно быть субъектом прав, но быть лишенным возможности самостоятельно своими правами распоряжаться; такой возможности не имеют, например, малолетние, безумные и т. п., которые от этого не перестают быть субъектами известной имущественной сферы, т. е. субъектами; недостающая им дееспособность восполняется их опекунами» [8]. «Самостоятельность» (дееспособность) римского гражданина находилась в прямой зависимости от его половозрастной принадлежности, социально-правового статуса, психического здоровья, способности по своей воле распоряжаться гражданскими правами и нести ответственность за последствия своих действий (в данном случае – в сфере гражданского оборота). Одновременно с этим, в Риме, как указывал автор, существовала реальная практика ограничения или даже лишения дееспособности. «Объем дееспособности» при этом не был постоянной величиной и претерпевал изменения с развитием римского общества и государства [9, 10].

До принятия христианства правовая дефиниция понятия «дееспособность» у славянских племен отсутствовала. После более близкого знакомства с европейской

культурой многие представители родоплеменной знати стали предпринимать попытки создания собственного законодательства, в основе которого лежали традиционные обычаи и весьма «фрагментарные» сведения об основах римского права. В частности, именно в те далекие времена в сохранившихся исторических источниках появились первые указания на зависимость «самостоятельности» лиц ввиду разного рода обстоятельств и условий. Вместе с тем обособление правоспособности и дееспособности произошло значительно позже. К тому же процесс приобщения к наследию римской цивилизации был долгим, например, Русь осуществила переход к средневековому типу права лишь в XII веке.

Освещая исторический аспект развития института дееспособности, современные цивилисты пришли к единодушному мнению, что в отечественном законодательстве (имеется в виду отрезок времени с XVIII до начала XX века) основополагающим фактором для осуществления человеком юридически значимых действий являлось его волеизъявление. «Теория воли» существовала как аналог дееспособности, а «теория интереса» являлась предпосылкой самостоятельного осуществления гражданами своих прав. Были сформированы ограничительные признаки, взаимовязанные с рождением, полом, возрастом, психическим (умственным) состоянием, социальной и религиозной принадлежностью и уровнем образования. Лицо, обладающее определенным уровнем воли, считалось правоспособным. Правоспособное, но недееспособное лицо выступало субъектом отношений общего типа, субъектом общей охраны и покровительства.

Только в 1551 году Иваном IV был издан первый законодательный акт о душевнобольных людях – «Стоглавый судебник». Следующие нормативные акты о данной категории граждан датируются только 1669 годом, когда Алексеем Михайловичем Романовым были опубликованы «Новоуказные статьи». Во время правления Федора III Алексеевича в 1677 году состоялось издание первого закона относительно имущественных прав граждан, признанных недееспособными. В нем говорилось, что слишком неумеренные в питье и слабые умные не могут вести дела, заключать сделки, управлять своим имуществом. Однако, ограничивая в правах данную категорию лиц, законодательно не устанавливалось, кто мог реализовать данное право от их имени, а также кто выступает ответственным за имущество недееспособных.

В практической плоскости данные имущественные права и обязанности переходили к членам семьи и родственникам признанного недееспособным [11, С. 44–45].

В 1722 году Петр I издал указ, известный под названием «О свидетельствовании дураков в Сенате». Появление этого нормативного акта было обусловлено двумя «напастями». Во-первых, отказом довольно значительной части дворянства направлять своих детей в учебные заведения, для службы в армии и т. п. под предлогом наличия у них «врожденного слабоумия». А во-вторых, засильем на государственных должностях людей глупых, невежественных, кичащихся своим богатством и происхождением. От таких людей, по мнению императора, необходимо было избавляться незамедлительно. В указе провозглашалось: «Ежели у кого в фамилии ныне есть или впредь будет дурак, о таких подавать известия в Сенат, а в Сенате свидетельствовать, и буде по свидетельству явятся таковые, которые ни в науку, ни в службу не годились, и впредь не годятся, отнюдь жениться ... не допускать и венечных памятей не давать» [12]. Важно отметить, что уже в то время на бытовом уровне люди различали такие понятия, как природная глупость (которая проявлялась еще в детские годы и выражалась в неспособности достичь определенного уровня знаний, представлений); глупость, обусловленная возрастом, ограниченным кругозором и недостатком жизненного опыта; упрямством; ленью, а также врожденным и приобретенным слабоумием.

Кроме перечня мер воздействия на дворянских детей, не желающих служить своему Отечеству, в указе обосновывалась необходимость наблюдения за имуществом отказников, признанных «помещанскими», а также запрет бракосочетаний со «слабоумными и безвольными» по причине того, что от таких браков «доброе наследие к государственной пользе ожидать нельзя».

После Октябрьской революции в нашей стране цивилистами были сформулированы «идеологически верные» (марксистские) критерии правоспособности. Происходит уравнивание правоспособности с правосубъектностью и дееспособностью, что имело негативные последствия для отечественной гражданско-правовой науки в целом, а также для института правосубъектности. Рассматриваемые категории отражались в советском законодательстве, однако, без фактического определения их места в сфере правоотношений. Только в 1950–1960-х гг. данное противоречие было устранено. Так, определялась сущность

дееспособности, выражаемая в полноценном (осознанном) волеизъявлении советских людей, которая позволяла им принимать непосредственное участие в гражданском обороте и давала возможность нести ответственность за совершаемые действия. Ее объем в первую очередь определялся исходя из возрастной дифференциации и состояние психического здоровья, которое зависело от адекватности восприятия происходящего и от «полноценности» функционирования воли, памяти, мышления, интеллекта. В Гражданском кодексе РСФСР 1964 года был зафиксирован перечень лиц, которые могли (имея на то веские основания) обратиться в суд для решения вопроса о признании конкретного человека ограниченно дееспособным или полностью недееспособным.

Рассмотрев правовые, социальные, культурные, а также исторические аспекты рассматриваемой проблемы, логично перейти к анализу природы гражданской дееспособности и вопросам ее ограничения.

Основная часть

В современном отечественном законодательстве формулировка дееспособности, закрепленная в ст. 21 ГК РФ, представляется более совершенной, чем те формулировки, которые содержались в предыдущих кодексах 1922 и 1964 гг. (имеется в виду ее строгая научность, корректность, информативность и понятность для правоприменителя). Так, согласно п. 1 «способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их (гражданская дееспособность) возникает в полном объеме с наступлением совершеннолетия, то есть по достижении восемнадцатилетнего возраста» [13].

Гражданская дееспособность выражается в способности к совершению правомерных, юридически значимых действий (включая заключение сделок); способности нести гражданско-правовую ответственность по заключенным сделкам, в том числе, в связи с нарушением обязательств по договорам; способности нести ответственность по внедоговорным нарушениям.

Уточним, что дееспособность является результатом длительного психофизиологического развития индивида и его возрастной социализации вплоть до наступления совершеннолетия (или вступления в брак, или эмансипации) [14]. Именно поэтому вопрос определения возраста человека, стремящегося стать участником граждан-

ского оборота, имеет принципиальное значение для гражданского права.

С учетом сказанного представляется, что для более детального освещения рассматриваемой проблемы необходимо совершить краткий экскурс в область онтогенеза личности. При этом напомним, что лишь к 18 годам человека можно рассматривать сквозь призму его индивидуально-самостоятельной поведенческой, а также трудовой, творческой, спортивной и т. д. активности, т. к. молодые люди обретают способность «воспроизводить себя» в соответствии с требованиями общества. Формируя конструктивное отношение к окружающей действительности и демонстрируя социальную зрелость, свою гуманистическую сущность, юноша выступает как вполне состоявшаяся личность. Кроме того, нельзя не заметить, что суть процесса становления личности как раз и заключается в развитии «деятельностных механизмов» психики, которые, в свою очередь, определяют силу воли, гибкость интеллекта, «диапазон» когнитивных способностей [15, С. 76–85; 16, С. 25–31; 17, С. 238–244; 18, С. 171–180].

По наблюдениям целого ряда специалистов, с момента рождения ребенок вступает во взаимодействие с окружающим его миром, который становится участником процесса развития нового человека, выполняя роль некоего «инкубатора», способного усилить или заблокировать внутренние процессы, связанные с мышлением, речью, саморегуляцией и т. д. Причем мир человеческих отношений, «законы социума» с каждым годом раскрываются перед ребенком в новом ракурсе, хотя и с позиций объективной реальности. Но большую роль играет внутренняя позиция ребенка, его отношение к своему положению и окружению. Ребенок вынужденно приспосабливается к окружающему материальному и духовному миру в процессе многопланового деятельностного развития, опосредованного отношениями со взрослыми людьми [19, С. 26–33; 20, С. 14–22].

Анализ целостного процесса становления личности подразумевает раскрытие его особенностей и механизмов, функционирующих в течение отдельных онтогенетических периодов. И здесь вновь обращают на себя внимание микросоциальные (психолого-педагогические) факторы, катализирующие «личностный рост» за счет повышения функциональной активности головного мозга, что приводит не только к «оптимизации» взаимодействия различных структур центральной нервной системы, но

и к «усилению» когнитивной сферы (за счет накопления полезной информации). В результате образуется мощный психофизиологический резерв, позволяющий ребенку осуществить качественный переход на следующий этап развития. В то же время необходимо отметить, что каждый период может быть представлен в виде нескольких стадий. Первая – характеризуется появлением тенденций развития строго определенной стороны осознанной и целенаправленной деятельности, когда ранее накопленные смысловые нагрузки вычлениют новые возможности функционирования ребенка, создавая соответствующее поле для его игр и развития (в широком понимании). Вторая – отличается максимальной реализацией возможностей, кумуляцией развития ведущего типа деятельности. Третья – насыщением ведущего типа деятельности при невозможности дальнейшей реализации его «потенций», что ведет к актуализации иных потребностей, иной деятельности.

В ГК РФ предусмотрены специальные положения, регламентирующие дееспособность малолетних – детей в возрасте до 14 лет (ст. 28 ГК РФ) и дееспособность несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет (ст. 26 ГК РФ), положения об эмансипации несовершеннолетних – приобретении ими дееспособности в полном объеме до достижения 18 лет (ст. 27 ГК РФ), а также о приобретении дееспособности ранее 18 лет при вступлении гражданина в брак (ст. 21 ГК РФ). Выделяется дееспособность малолетних (дети в возрасте до 14 лет) и дееспособность несовершеннолетних (лица в возрасте 14–18 лет). Дееспособность несовершеннолетних является частичной или неполной.

По сделкам лиц в возрасте от 14 до 18 лет, совершенным самостоятельно, ответственность возлагается на них самих. При отсутствии или недостаточном количестве финансовых средств у несовершеннолетних, обязанность возмещения вреда возлагается на их законных представителей. По вопросу порядка исполнения обязанностей несовершеннолетними имеется позиция Верховного суда Российской Федерации. В соответствии с положениями п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2017 г. № 22, несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет вправе самостоятельно вносить плату за жилое помещение и коммунальные услуги. При недостаточности у несовершеннолетнего денежных средств обязанность по оплате жилого помещения

и коммунальных услуг возлагается на его родителей.

В контексте эмансипации следует отметить, что по достижении возраста 16 лет гражданин может быть объявлен полностью дееспособным, если он работает по трудовому договору (контракту) или с согласия родителей (усыновителей, попечителей) занимается предпринимательской деятельностью. Согласно п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 44, родители, лишённые родительских прав, не могут давать своего согласия на эмансипацию. Эмансипированный несовершеннолетний не приобретает права и, соответственно, не исполняет обязанности, в отношении которых законодательно установлен возрастной ценз. Кроме того, наступление гражданской дееспособности означает, что родители несовершеннолетнего перестают быть ответственными по обязательствам ребенка.

Возвращаясь к содержанию статьи 21 ГК РФ, уместно процитировать п. 2: «В случае, когда законом допускается вступление в брак до достижения восемнадцати лет, гражданин, не достигший восемнадцатилетнего возраста, приобретает дееспособность в полном объеме со времени вступления в брак. Приобретенная в результате заключения брака дееспособность сохраняется в полном объеме и в случае расторжения брака до достижения восемнадцати лет. При признании брака недействительным суд может принять решение об утрате несовершеннолетним супругом полной дееспособности с момента, определяемого судом».

Став участниками семейных правоотношений, несовершеннолетние приобретают правоспособность, связанную с семейными взаимоотношениями. При этом в семейном законодательстве отсутствуют определения право- и дееспособности, что формирует необходимость обращения к нормам гражданского законодательства. Полная дееспособность возникает только с восемнадцатилетнего возраста. До этого времени полноценная дееспособность возможна только при снижении брачного возраста органом местного самоуправления. Следует иметь в виду, что правовые последствия расторжения брака, заключенного в такой ситуации, имеют различные варианты развития событий. Так, полная дееспособность, приобретенная в результате заключения брака, сохраняется в случае его расторжения до достижения 18 лет. Относительно семейной дееспособности нельзя сделать однозначный вывод о

ее сохранении в полном объеме, так как разрешение о снижении брачного возраста распространяется только на один конкретный случай регистрации брака. Следовательно, возможность заключить новый брак на общих основаниях у несовершеннолетних не появляется. С другой стороны, если в таком браке появляются дети, то сохраняется право несовершеннолетних родителей, достигших возраста 16 лет, самостоятельно осуществлять свои родительские права и обязанности [21, С. 2–4; 22, С. 120–122; 23, С. 63–66; 24, С. 2–5].

В гражданском законодательстве (ст. 22 ГК РФ) содержится общее правило, в соответствии с которым лицо может быть ограничено в правоспособности и дееспособности только в случаях и в порядке, установленных законом. В Семейном кодексе Российской Федерации (далее – СК РФ) подобное правило не предусмотрено, но отдельные случаи ограничений правоспособности и дееспособности законодатель все же учел. Так, ряд оснований ограничения брачной правоспособности был закреплен в ст. 14 и 17 СК РФ (например, не могут вступить в брак близкие родственники). Недопустимо заключение брака между лицами, из которых хотя бы одно ранее было признано судом недееспособным в связи с наличием психического расстройства.

Как уже указывалось, впервые осознание того, что ответственность за совершаемые деяния и поступки проявляется у людей с возрастом, закреплялось в римском праве. Дети до 7 лет воспринимались полностью недееспособными; ограниченно дееспособными считались мальчики от 7 до 14 лет и девочки от 7 до 12 лет (при этом подростки могли совершать некоторые виды сделок о приобретении, но без обязательств с их стороны). Осуществив переход в следующую возрастную категорию (с 14 до 25 лет), молодые люди имели полное право для вступления в брак, однако им «предписывалось» так называемое благожелательное попечительство, то есть заключение сделок лишь с одобрения куратора (опытного и уважаемого члена социума). Над женщинами устанавливалась опека, которая не зависела от наступления совершеннолетия. В XXI веке возрастные границы, характеризующие различные этапы формирования дееспособности, приобрели несколько иные очертания (например, большинством стран было принято решение, что полная дееспособность наступает с 18 лет, хотя остается немало стран, где «возрастной порог» дееспособности повышен или понижен).

Реалии сегодняшнего дня таковы, что гражданская дееспособность все чаще рассматривается учеными в качестве междисциплинарного института, вынужденного «отвечать на вызовы времени». Причем это могут быть как внутренние процессы, происходящие в стране (в виде социально-правовых, социально-экономических, социально-демографических и т. д. изменений), так и внешние (преимущественно идеологические) воздействия на общественное сознание граждан Российской Федерации, идущие с Запада. Особую обеспокоенность всех, кто считает себя ответственным за судьбу будущих поколений (государственных деятелей, политических лидеров, юристов, философов, писателей, врачей, журналистов, представителей традиционных конфессий) вызывает деятельность международных организаций по насаждению неолиберальных идей. Все чаще речь идет о полном крушении («обвале») системы традиционных ценностей по обоим берегам Атлантики, к ярким примерам которого следует отнести однополые браки, трансгендерность, дискредитацию института семьи в его общепринятом понимании.

Согласно данным, опубликованным в «Российской газете» в 2022 году, власти штата Калифорния приняли закон, позволяющий не учитывать мнение родителей, ребенок которых изъявил желание сменить пол. При деятельном противодействии родителей, они могут быть лишены родительских прав. Это касается запрета с их стороны на получение несовершеннолетним «гормональной терапии». Данный закон спровоцировал шквал негодования. По свидетельству американских журналистов, родителей и учителей, «закон соблазняет несовершеннолетних детей по всей стране бросать семьи и убежать в погоне за вредными препаратами и стерилизующими операциями, которые наносят необратимый вред детскому уму, телу и семейным отношениям». Однако противники данного закона обвиняются в дискриминации и отсутствии толерантности к «инакомыслящим». К тому же администрация Дж. Байдена ссылается на «успешный» зарубежный опыт, накопленный британцами, датчанами, норвежцами и канадцами в сфере организации услуг по смене пола и проведению курсов гормональной «терапии» среди детей [25].

В контексте рассматриваемых вопросов, несомненный интерес представляют наблюдения, сделанные крупнейшим специалистом в области детской психиатрии

Д. Н. Исаевым ещё в 80-х годах прошлого века. Ученый, в частности, установил, что язык общения с ребенком в самом раннем возрасте «не безразличен для его психологического становления». Дети сначала усваивают стандарты социального поведения благодаря познанию и исполнению правил, лишь затем совершают переход от объективной ответственности к субъективной. Уже к двум годам ребенок «научается» правильному, с точки зрения ближайшего окружения, поведению. Затем он осваивает психофизиологические «рубежи» маскулинности-фемининности и к пяти годам начинает осознавать необратимость своей природной половой принадлежности, после чего «уверенно» следует стереотипам гендерного поведения. Напомним, что к шести годам ребенок начинает обретать элементы юридической самостоятельности (ст. 28 ГК РФ). Возможен и несколько иной вариант, когда ребенок, узнав от родителей, мальчик он или девочка, обращается к соответствующему ролевому поведению и лишь после этого интернализует половую роль, формируя свою идентичность. Однако целенаправленные и деструктивные внешние воздействия способны привести к нарушениям психосексуального развития, к возникновению у ребенка затянувшегося ролевого конфликта (в т. ч. и конфликта идентичности). Не следует также забывать, что характер сексуальной активности и мотивации в значительной мере определяется не столько биологическими, сколько социальными факторами [26, С. 38, 73].

Имеет смысл напомнить, что еще до начала специальной военной операции Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) неоднократно высказывался о необходимости регистрации однополых союзов в нашей стране. Разумеется, что данные обращения не имели никакой правовой базы и носили характер политических деклараций. Тем не менее цель этих идеологических атак очевидна – разрушить институт семьи, дискредитировать традиционные ценности граждан Российской Федерации. В данном контексте логичным видится отметить, что с 2022 года в нашей стране приняты Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

«Разгул» неолиберализма можно объяснить критическим состоянием западной цивилизации и разрастающимся кризисом права, что требует от руководства нашей страны принятия серьезных политических решений. К сожалению, ситуация ослож-

няется тем, что современное гуманитарное знание не смогло защитить от «поругания» традиционные, вековые подходы, сложившиеся на основе взаимодействия практического и ценностного факторов. Аморфные постмодернистские конструкции, в которых человек перестал быть «мерой всех вещей», как метастазы проникли в души западных обывателей.

По мнению известного российского философа, депутата Государственной Думы первого созыва, члена Общественной палаты А. В. Очировой, первостепенными задачами для современных радикальных неолибералов являются: уничтожение духовных смыслов целых народов, идентичности жителей Европы, Азии и Африки, их национального достоинства, языков, культурных кодов. Однако, считает философ, ни в ближайшем, ни в отдаленном будущем им не суждено насладиться своим триумфом. Вся история человечества убедительно демонстрирует, что обрушение системообразующих традиций, истины, веры и нравственности губит сложившийся миропорядок, приводит к хаосу, к самоуничтожению. А. В. Очирова также констатирует, что извращение правовых основ «западной демократии», ослабление гуманитарной парадигмы и т. д. (вызванное «идеологическим помешательством» глобалистов и забвением ценностного подхода к познанию мира) существенно сузило возможности современной юридической науки, образования и воспитания [27, С. 14].

Крупнейший отечественный ученый-правовед, Председатель Конституционного суда Российской Федерации В. Д. Зорькин высказывается в том же ключе, но более оптимистично, так как слово «кризис», считает ученый, несет в себе не только отрицательный, но и положительный смысл, например, связанный с обновлением, с переходом на очередной, более совершенный уровень общественных отношений. По словам В. Д. Зорькина, в современных условиях необходимо трансформировать кризис, «чреватый обрушением права, в благотворный для правового развития катарсис». Что же касается России, то наша страна способна эффективно отвечать на любые вызовы. Сегодня же, особо подчеркивает Председатель Конституционного суда Российской Федерации, «нам необходимо коренным образом реформировать российскую систему массового среднего, высшего и специального образования», всех воспитательных организаций, без чего просто невозможно обеспечить глубокую и широкую мобилизацию

граждан на предстоящую, признаем честно, большую борьбу с обезумевшим Западом» [28, С. 9].

Следующий раздел нашего исследования посвящен актуальным вопросам ограничения дееспособности. Как свидетельствует судебная практика, в реальной жизни нередко имеют место случаи, когда у граждан (испытывающих патологическую зависимость от аддиктивных стимулов) сохраняется способность понимать сущность происходящего (хотя и не в полном объеме), но неспособность к самоограничению, к отказу от «пагубных страстей» на корню уничтожает любые благие намерения. Такие люди не могут удержаться от участия в азартных играх, от «безудержного» употребления психоактивных веществ (наркотиков, спиртных напитков), а их постоянные траты ставят семьи в тяжелое материальное положение. Яркой иллюстрацией к сказанному может служить литературный персонаж из романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» – титулярный советник Семен Захарович Мармеладов. Кроме того, достаточно четкое представление о потребностях, эмоциях и мироощущениях человека, «одержимого» игрой в рулетку, дает еще одно произведение великого русского писателя – «Игрок», опубликованное в 1866 году [29, С. 157–165; 30, С. 582–590].

В работах дореволюционных юристов красной нитью проходит мысль о том, что ограничение дееспособности расточителей в первую очередь направлено на «их защиту от самих себя» [31, С. 129–130]. Уточним, что некоторые современные авторы рассматривают «расточительство» в узком смысле – как болезненную (навязчивую) склонность к совершению дорогих и бессмысленных покупок.

Достаточно четко и однозначно по поводу «обращения» с людьми, которые нуждаются в постоянном контроле (в том числе и в силу своей безответственности, не способности к самоограничению и т. д.), высказался в свое время крупнейший немецкий правовед Р. Иеринг: «не всякий обладает разумением необходимым для того, чтобы знать, что общий интерес есть вместе с тем его собственный ... Закон есть единение разумных и дальноручких, направленное против близоручих. Первые должны принуждать последних к тому, что требуется их собственным интересом» [32, С. 408–409]. Схожее мнение имел И. А. Ильин, по словам которого цель закона состоит в том, чтобы сообщить воле человека «верное направление для саморукводства» [33, С. 64].

Ст. 30 ГК РФ содержит перечень оснований для ограничения судом дееспособности и установления попечительства, при этом наличие у лица таких болезней, как хронический алкоголизм и наркомания не воспринимаются как признаки ограниченной дееспособности. Остается и самостоятельная имущественная ответственность гражданина по совершенным им сделкам и за причиненный им вред. Кроме того, необходимо иметь в виду, что одинокий, не имеющий семьи человек не может быть признан ограниченно дееспособным [34, С. 1–8; 35, С. 285–289; 36, С. 145–151].

Но оправдано ли игнорирование судьей медико-психологических сторон личности ограниченно дееспособных граждан? Думается, что нет. Последние исследования в этом направлении позволили выявить целый ряд существенных моментов, представляющих как научный, так и практический интерес. Так, было установлено, что для подобного типа людей весьма характерна гедонистическая установка, которая проявляется в стремлении к удовлетворению своих сугубо эгоистических желаний, доставляющих проблемы семье, ближайшему окружению. Мышление зависимого от аддитивных стимулов и вредных привычек человека постоянно («оправдывает») укоренившуюся в сознании («деструктивную доминанту») и блокирует неприятные воспоминания о последствиях своих действий (неоднократно имевших место). Зачастую, на момент решения вопроса о признании конкретного гражданина ограниченно дееспособным, его саморазрушительный образ жизни (на это указывает специфический анамнез в виде алкоголизации, наркотизации, участия в азартных играх и т. п.) уже вытеснил естественный, конструктивный стиль поведения и стал интегральной частью его личности, своеобразным «методом выбора» при встрече с реальностью. Эмоционально-волевые, критические и прогностические функции у таких людей ослаблены, произвольная регуляция поведенческой активности затруднена. Что же касается непосредственно волевых расстройств, то среди них преобладают ригидность и импульсивность. В частности, ригидность проявляется в неспособности индивида изменять свое поведение в соответствии с внешними обстоятельствами, с конкретной ситуацией, с требованиями социума, человек как бы демонстрирует приверженность одним и тем же «клише», а импульсивность – в спонтанных, необдуманных поступках.

В области исследования лиц, признанных ограниченно вменяемыми, выделяют

следующие основные направления в научной литературе: а) социальное и социально-психологическое; б) психологическое; в) биологическое и психофизиологическое; г) клиническое.

Первый подход связан с изучением особенностей функционирования различных структур центральной нервной системы (ЦНС) в сфере общественных и межличностных отношений. Второй – отражает специфику личности каждого конкретного человека с признаками ограниченной дееспособности. Третье направление раскрывает механизмы нормальной и патологически измененной психической деятельности на самых различных структурных уровнях организации человека с указанными признаками. Развитие четвертого (клинического) направления привело к более тщательной систематизации и классификации нозологических форм, которые встречаются у рассматриваемой нами категории лиц, к разработке более эффективных методов диагностики, лечения и профилактики психических аномалий. В последнем случае важным моментом следует считать определенную переориентацию психиатрии (наркологии) и медицинской психологии в сферу уточнения социальных критериев и норм.

Таким образом, с учетом сказанного, подтверждается тот факт, что лицо, признанное ограниченно дееспособным (ст. 30 ГК РФ), помимо пристрастия к азартным играм, алкоголю и наркотическим средствам, обладает выраженными психическими отклонениями, которые способен выявить только судебный психиатр.

Однако не следует «замалчивать» тот очевидный факт, что среди ограниченно дееспособных могут встречаться лица с начальными признаками деменции (в виде волевых и интеллектуальных нарушений). Представляется абсолютно оправданным назначение судебно-психиатрической экспертизы не только для установления «нулевой» дееспособности (ст. 29 ГК РФ), но и для признания человека ограниченно дееспособным.

Говоря о статье 30 ГК РФ, важно понимать, что число так называемых пристрастий (низменных, болезненных и т. д. потребностей), способных ослабить волю, «овладеть» разумом и поставить семью человека «на грань нищеты», довольно значительно. Причём практически все они подробно описаны психологами и психиатрами. Но почему-то это многообразие «зависимостей» (проявлений девиантной человеческой активности) оказалось вне поля зрения российского законодателя, в связи с

чем представляется целесообразным обязательное назначение всё той же судебно-психиатрической экспертизы, а также изложение первого абзаца п. 1 данной статьи в новой редакции: «Гражданин, который вследствие каких-либо пристрастий (зависимостей), подтвержденных в ходе проведения судебно-психиатрической или комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы, ставит свою семью в тяжелое материальное положение, может быть ограничен судом в дееспособности в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством. Над ним устанавливается попечительство».

В рамках анализа психологической и социально-психологической природы дееспособности, целесообразно рассмотреть такое часто встречающееся в обыденной жизни понятие, как воля (или волевая активность). В первую очередь нельзя не отметить, что у «среднестатистического» человека, отнесенного психологами и психиатрами к условной норме, воля представляет собой способность привычным и естественным образом заставлять себя делать то, что нужно ради достижения вполне определенной, «ясно очерченной» конечной цели. Но, кроме того, воля – это еще и способность мобилизоваться в нужный момент, принять единственно верное решение. Мотивированное осознание лицом последовательности и характера своих действий предопределяет его волевую активность (причем действия могут быть как физическими, так и «умственными»). Довольно часто в научной литературе воля описывается в качестве целенаправленных усилий, что логично и вполне оправдано.

Воля приобретает конкретное содержание (правовое, неправовое, нравственное, безнравственное и т. д.) в результате определения человеком целей, которые побуждают его к той или иной активности. Если смотреть сквозь призму социальной и юридической психологии, то слабоволие зачастую обнаруживается именно в те моменты, когда человек не может заставить себя сделать то, что требует от него общество. Хотя, безусловно, в целом ряде случаев такое проявление эмоционально-волевой лабильности, гипобулии и т. д. может свидетельствовать о наличии психических отклонений. Слабоволие весьма вариабельно, поэтому его нередко рассматривают: 1) как черту характера; 2) признак психической патологии; 3) как результат длительных психотравмирующих воздействий, последствий индивидуально-

го, семейного, профессионального и т. д. неблагоприятия.

В контексте сказанного важно напомнить о содержании п. 2 ст. 1 ГК РФ: «Граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе». Воля выступает ключевым элементом процесса сознательного регулирования человеком своей деятельности, а «волевое начало» обуславливает возможность приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их.

Для решения вопроса о признании человека недееспособным (ст. 29 ГК РФ) судом обязательно назначается судебно-психиатрическая экспертиза. Экспертам важно не только подтвердить наличие патологии центральной нервной системы (головного мозга), но и определиться с юридическим критерием, который представляет собой особую (обобщающую) характеристику клинических данных о расстройствах психики в контексте их тяжести. Фактически необходимо установить соответствие медицинского критерия юридическому критерию [37, С. 247–252; 38, С. 27–33].

Юридический критерий характеризуется наличием интеллектуального и волевого признаков. Применительно к данной группе лиц, наличие юридического критерия свидетельствует о неспособности подэкспертных понимать значение своих действий и руководить ими. Интеллектуальные нарушения препятствуют функционированию «рефлексирующего сознания», сводят на нет свободу выбора, лишают возможности осуществлять самоконтроль, снижают полноту отражения в индивидуальном сознании объективной и субъективной реальности, искажают восприятие и не позволяют сосредоточиться на решении проблемных ситуаций.

Как правило, недееспособными признаются лица, страдающие слабоумием, которое, в свою очередь, является следствием органического поражения головного мозга, церебрального атеросклероза, сенильной и пресенильной деменции, хронического алкоголизма (Корсаковского психоза) и т. д. При выраженном слабоумии человеку становятся недоступны основные мыслительные операции: сравнение, анализ, синтез, обобщение и отвлечение.

Заключение

Дееспособность лица в гражданском праве выступает одной из исторически ранних правовых конструкций, имеющих

уникальные характерные черты и особенности. Природа данного института формировалась в процессе эволюции права и приобрела свое современное выражение в форме способности гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их, именно к такому нормативному закреплению привело историко-правовое развитие института дееспособности в российском законодательстве. Иными словами, это способность физического лица реализовать свою правоспособность в процессе совершения им осознанных, целенаправленных и ответственных действий в сфере гражданского оборота.

В условиях постиндустриального общества гражданская дееспособность, как и дееспособность в целом, все чаще рассматривается в качестве межотраслевого института, развивающегося на стыке смежных, однородных отраслей права, а также политики, социологии, психологии и медицины.

Ограничение дееспособности взрослых не предполагает проведения судебно-психиатрической экспертизы, так как суд принимает решение, основываясь на социальных последствиях поведения лиц, злоупотребляющих наркотиками, алкоголем, азартными играми. Однако лицо, признанное ограниченно дееспособным (ст. 30 ГК РФ), помимо пристрастия к азартным играм, алкоголю и наркотическим средствам, обладает выраженными психическими отклонениями, которые способен выявить только судебный психиатр. К тому же среди ограниченно дееспособных могут встречаться лица с признаками демен-

ции (в виде стойких волевых и интеллектуальных нарушений) и если своевременно провести судебно-психиатрическую экспертизу, то, вне всяких сомнений, какая-то часть граждан перейдет из разряда ограниченно дееспособных в разряд недееспособных. Таким образом, представляется абсолютно оправданным назначение судебно-психиатрической экспертизы не только для установления «нулевой» дееспособности (ст. 29 ГК РФ), но и для признания человека ограниченно дееспособным.

Говоря о содержании статьи 30 ГК РФ, важно понимать, что число так называемых пристрастий (низменных, болезненных и т. д. потребностей), способных лишить человека критичности, спровоцировать на значительные траты, а в итоге поставить его семью «на грань нищеты» – довольно значительно. Причём все они хорошо известны психологами и психиатрами. Однако это многообразие «зависимостей» и «аддитивных стимулов» оказалось вне поля зрения российского законодателя, в связи с чем, представляется целесообразным внести в п. 1 ст. 30 ГК РФ изменения и сформулировать их в следующем виде: «Гражданин, который вследствие каких-либо пристрастий (зависимостей), подтвержденных в ходе проведения судебно-психиатрической или комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы, ставит свою семью в тяжелой материальное положение, может быть ограничен судом в дееспособности в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством. Над ним устанавливается попечительство». Последующий текст целесообразно оставить в действующей редакции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Захарцев С. И. От неоклассической экономической теории к комплексному осмыслению экономико-правовой действительности / С. И. Захарцев, С. В. Игнатьева, В. П. Сальников // Мониторинг правоприменения. 2023. № 2 (47). С. 96–100.
2. Чернявский А. Г. Функции права в правоведении в современном мире // Право и управление. 2022. № 1. С. 11–17.
3. Емелькина И. А. Евгений Алексеевич Суханов: «Гражданское право – это право социального государства и у него должно быть социальное лицо» / И. А. Емелькина, Е. А. Суханов // Гражданское право. 2023. № 2. С. 2–7.
4. Залесский В. В. Вероятность и самоорганизация в гражданском праве // Журнал российского права. 2005. № 10 (106). С. 85–92.
5. Разумовская Е. В. Гражданское право. Общая часть: учебник и практикум для вузов. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Изд-во Юрайт, 2024. 253 с.
6. Бакин А. А. Основы судебной психиатрии / А. А. Бакин, О. В. Острецов, Г. А. Сопраньков СПб. : «Астерион», 2011. 195 с.
7. Каннабих Ю. В. История психиатрии. М. : АСТ, Мн. : Харвест, 2002. 560 с.
8. Покровский И. А. История римского права. М. : Изд-во Юрайт, 2024. 447 с.
9. Гай. Институции. Кн. 1. М. : Юрист, 1997. 368 с.

10. Дигесты Юстиниана. Кн. 1: титулы X–XXII. Т. 1. М.: Статут, 2002. 584 с.
11. Граф Р. А. Становление и развитие механизма правового регулирования имущественных прав ограниченно дееспособных и недееспособных граждан // Инновации в науке. 2019. № 6 (94). С. 44–46.
12. Полн. собр. законов Российской Империи, 1722. 6 апреля. Т. 6. № 3949.
13. Гражданский кодекс Российской Федерации (Ч. I) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Правовой сайт «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/9e6e097ccc381775641f6a57435aa14a854c504c/ (дата обращения: 1.05.2025).
14. Письмо Минпросвещения России от 23 декабря 2021 г. № 07-7890 «О методических рекомендациях» (вместе с «Методическими рекомендациями по вопросам выдачи органами опеки и попечительства предварительных разрешений на осуществление имущественных прав ребенка»). URL: <https://legalacts.ru/doc/pismo-minprosveshchenija-rossii-ot-23122021-n-07-7890-o-metodicheskikh/> (дата обращения: 1.05.2025).
15. Демин П. Н. Риски и возможности онлайн-социализации подростков и молодежи // Ценности и смыслы. 2022. № 3 (79). С. 76–85.
16. Истомина О. Б. Проблемы социализации молодежи в условиях социальной неопределенности / О. Б. Истомина, Е. С. Майпиль // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2022. № 3. С. 25–31.
17. Суслов Ю. Е. Распространение экстремизма в молодёжной среде по причине информационного инфантилизма // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1 (97). С. 238–244.
18. Барышева Т. А. Мотивация саморазвития в подростковом возрасте: опыт изучения и развития / Т. А. Барышева, Т. Н. Носкова, В. В. Истомина // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2023. № 210. С. 171–180.
19. Баранов А. А. Онтогенез нейрокогнитивного развития детей и подростков / А. А. Баранов, О. И. Маслова, Л. С. Намазова-Баранова // Вестник РАМН. 2012. № 8. С. 26–33.
20. Демакова И. Д. Понятие «детство» в психологии и педагогике // Ценности и смыслы. 2012. № 3(19). С. 14–22.
21. Булаевский Б. А. К вопросу о минимальном брачном возрасте // Семейное и жилищное право. 2023. № 1. С. 2–4.
22. Квициния Н. В. Эволюция и особенности брачно-семейных отношений от Древнего Рима до современного российского семейного права / Н. В. Квициния, Л. И. Заболотнева // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 98-3. С. 120–122.
23. Липовская Д. А. Правоспособность и дееспособность в семейном праве // Всероссийский форум студентов и учащихся-2023: Сб. ст. II Всероссийской науч.-практич. конф. Петрозаводск, 2023. С. 63–66.
24. Матвеева Н. А. Запреты в семейном праве // Семейное и жилищное право. 2023. № 6. С. 2–5.
25. В Калифорнии разрешили детям менять пол без согласия родителей. URL: <https://rg.ru/2022/10/04/vtajne-ot-mamy-i-papy.html> (дата обращения: 1.05.2025).
26. Исаев Д. Н. Психогигиена пола у детей: руководство для врачей / Д. Н. Исаев, В. Е. Каган. Л.: Медицина, 1986. 336 с.
27. Очирова А. Сбережение народов // Российская газета. 2024. 19 марта.
28. Зорькин В. Право России: альтернативы и риски в условиях глобального кризиса // Российская газета. 2022. 30 июня.
29. Белобрыкина О. А. Философия жизни игромана (на примере генезиса игровой аддикции в романе Ф. М. Достоевского «Игрок») / Белобрыкина О. А., О. А. Шаманаева // Филология и культура. 2018. № 2(52). С. 157–165.
30. Мельникова Л. А. Образы героев-игроков в романах Ф. М. Достоевского «Игрок» и Г. Фаллады «Волк среди волков»: сравнительный анализ // Ученые записки НовГУ. 2023. № 6(51). С. 582–590.
31. Покровский И. А. Проблемы расточительства: сб. статей по гражданскому и торговому праву памяти проф. Г. Ф. Шершеневича. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1915. С. 129–130.
32. Иеринг Р. Цель в праве. Ярославль, 1881. 412 с.
33. Ильин И. А. О сопротивлении злу силою // Собр. соч.: в 10 т. Т. 5. М.: Русская книга, 1996. 608 с.
34. Кандаурова М. А. Проблемы «определений» и правовые вопросы ограничения дееспособности / М. А. Кандаурова, Л. А. Шигонина // Научный вестник Крыма. 2023. № 4 (44). С. 1–8.

35. Сельская П. Д. Особенности различных видов зависимого поведения: теоретический аспект // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 76-2. С. 285–289.
36. Штыков В. П. Ограничение дееспособности в связи с пристрастием к азартным играм // Российский юридический журнал. 2017. № 5. С. 145–151.
37. Гончарук А. Ю. Ограничение дееспособности и признание граждан недееспособными // Вестник науки. 2023. № 11 (68). С. 247–252.
38. Кардащян Р. А. Органические психические расстройства у лиц пожилого возраста, коморбидные с алкоголизмом / Р. А. Кардащян, В. Ю. Пронин, В. Э. Медведев // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2023. № 123 (12). С. 27–33.

References

1. Zaharcev S. I. From neoclassical economic theory to a comprehensive understanding of economic and legal reality / S. I. Zaharcev, S. V. Ignat'eva, V. P. Sal'nikov // Monitoring pravoprimereniya. 2023;2 (47): 96–100. (In Russ.).
2. Chernyavskij A. G. The functions of law in jurisprudence in the modern world // Pravo i upravlenie. 2022;1: 11–17. (In Russ.).
3. Emel'kina I. A. Evgeny Alekseevich Sukhanov: "Civil law is the right of a welfare state and it must have a social face" / I. A. Emel'kina, E. A. Suhanov // Grazhdanskoe pravo. 2023;2: 2–7. (In Russ.).
4. Zalesskij V. V. Probability and self-organization in civil law // Zhurnal Rossijskogo prava. 2005;10 (106): 85–92. (In Russ.).
5. Razumovskaya E. V. Grazhdanskoe pravo. Obshchaya chast': uchebnik i praktikum dlya vuzov. 7-e izd., pererab. i dop. M. : Izd-vo YUrajt, 2024. 253 s. (In Russ.).
6. Bakin A. A. Osnovy sudebnoj psihiatrii / A. A. Bakin, O. V. Ostrecov, G. A. Sopran'kov SPb. : «Asterion», 2011. 195 s. (In Russ.).
7. Kannabih YU. V. Istoriya psihiatrii. M. : AST, Mn. : Harvest, 2002. 560 s. (In Russ.).
8. Pokrovskij I. A. Istoriya rimskogo prava. M. : Izd-vo YUrajt, 2024. 447 s. (In Russ.).
9. Gaj. Institucii. Kn. 1. M. : YUrist", 1997. 368 s. (In Russ.).
10. Digesty YUstiniana. Kn. 1: tituly X–XXII. T. 1. M. : Statut, 2002. 584 s. (In Russ.).
11. Graf R. A. Formation and development of the mechanism of legal regulation of property rights of disabled and incapacitated citizens // Innovacii v nauke. 2019;6 (94): 44–46. (In Russ.).
12. Poln. sobr. zakonov Rossijskoj Imperii, 1722. 6 aprelya. T. 6. № 3949. (In Russ.).
13. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (CH. I) ot 30 noyabrya 1994 g. № 51-FZ. // Pravovoj sajt «Konsul'tantPlyus». Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/9e6e097ccc381775641f6a57435aa14a854c504c/ (data obrashcheniya: 1.05.2025). (In Russ.).
14. Pis'mo Minprosveshcheniya Rossii ot 23 dekabrya 2021 g. № 07-7890 «O metodicheskikh rekomendacijah» (vmeste s «Metodicheskimi rekomendacijami po voprosam vydachi organami opeki i popечitel'stva predvaritel'nyh razreshenij na osushchestvlenie imushchestvennyh prav rebenka»). Available from: <https://legalacts.ru/doc/pismo-minprosveshchenija-rossii-ot-23122021-n-07-7890-o-metodicheskikh/> (data obrashcheniya: 1.05.2025). (In Russ.).
15. Demin P. N. Risks and opportunities of online socialization of teenagers and young people // Cennosti i smysly. 2022;3 (79): 76–85. (In Russ.).
16. Istomina O. B. Problems of youth socialization in conditions of social uncertainty / O. B. Istomina, E. S. Majpil' // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. 2022;3: 25–31. (In Russ.).
17. Suslov YU. E. The spread of extremism among young people due to information infantilism // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2023;1 (97): 238–244. (In Russ.).
18. Barysheva T. A. Motivation for self-development in adolescence: learning and development experience / T. A. Barysheva, T. N. Noskova, V. V. Istomina // Izvestiya RGPU im. A. I. Gercena. 2023;210: 171–180. (In Russ.).
19. Baranov A. A. Ontogenesis of neurocognitive development of children and adolescents / A. A. Baranov, O. I. Maslova, L. S. Namazova-Baranova // Vestnik RAMN. 2012;8: 26–33. (In Russ.).
20. Demakova I. D. The concept of "childhood" in psychology and pedagogy // Cennosti i smysly. 2012;3(19): 14–22. (In Russ.).
21. Bulaevskij B. A. On the issue of the minimum age of marriage // Semejnoe i zhilishchnoe pravo. 2023;1: 2–4. (In Russ.).
22. Kviciniya N. V. The evolution and features of marital and family relations from Ancient Rome to modern Russian family law / N. V. Kviciniya, L. I. Zabolotneva // Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya. 2023;98-3: 120–122. (In Russ.).
23. Lipovskaya D. A. Pravospособnost' i deesposobnost' v semejnom prave // Vserossijskij forum studentov i uchashchihsya-2023: Sb. st. II Vserossijskoj nauch.-praktich. konf. Petrozavodsk, 2023. S. 63–66. (In Russ.).

24. Matveeva N. A. Prohibitions in family law // Semejnoe i zhilishchnoe pravo. 2023;6: 2–5. (In Russ.).
25. V Kalifornii razreshili detyam menyat' pol bez soglasiya roditel'ej. URL: <https://rg.ru/2022/10/04/vtajne-ot-mamy-i-papy.html> (data obrashcheniya: 1.05.2025). (In Russ.).
26. Isaev D. N. Psihogigiena pola u detej: rukovodstvo dlya vrachej / D. N. Isaev, V. E. Kagan. L. : Medicina, 1986. 336 s. (In Russ.).
27. Ochirova A. Saving the nations // Rossijskaya gazeta. 2024. 19 marta. (In Russ.).
28. Zor'kin V. Russian Law: alternatives and risks in the context of the global crisis // Rossijskaya gazeta. 2022. 30 iyunya. (In Russ.).
29. Belobrykina O. A. The philosophy of a gambler's life (on the example of the genesis of gambling addiction in F. M. Dostoevsky's novel "The Gambler") / Belobrykina O. A., O. A. SHamanaeva // Filologiya i kul'tura. 2018;2(52): 157–165. (In Russ.).
30. Mel'nikova L. A. Images of player characters in F. M. Dostoevsky's novels "The Gambler" and G. Fallada's "The Wolf among Wolves": a comparative analysis // Uchenye zapiski NovGU. 2023;6(51): 582–590. (In Russ.).
31. Pokrovskij I. A. Problemy rastochitel'stva: sb. statej po grazhdanskomu i trgovomu pravu pamyati prof. G. F. SHershenevicha. M. : Izd. Br. Bashmakovyh, 1915. S. 129–130. (In Russ.).
32. Iering R. Cel' v prave. YAroslav', 1881. 412 s. (In Russ.).
33. Il'in I. A. O soprotivlenii zlu siloyu // Sobr. soch.: v 10 t. T. 5. M. : Russkaya kniga, 1996. 608 s. (In Russ.).
34. Kandaurova M. A. Problems of "definitions" and legal issues of limitation of legal capacity / M. A. Kandaurova, L. A. SHigonina // Nauchnyj vestnik Kryma. 2023;4 (44): 1–8. (In Russ.).
35. Sel'skaya P. D. Features of various types of dependent behavior: a theoretical aspect // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2022;76-2: 285–289. (In Russ.).
36. SHtykov V. P. Disability due to gambling addiction // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2017;5: 145–151. (In Russ.).
37. Goncharuk A. YU. Limitation of legal capacity and recognition of citizens as legally incompetent // Vestnik nauki. 2023;11 (68): 247–252. (In Russ.).
38. Kardashchyan R. A. Organic mental disorders in the elderly, comorbid with alcoholism / R. A. Kardashchyan, V. YU. Pronin, V. E. Medvedev // ZHurnal nevroptologii i psihiatrii im. S. S. Korsakova. 2023;123 (12): 27–33. (In Russ.).

Информация об авторе

А. А. Бакин – кандидат юридических наук,
кандидат медицинских наук
Д. Е. Кузнецов – кандидат исторических наук
Р. А. Карпов – кандидат исторических наук

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 19.05.2025;
одобрена после рецензирования 18.06.2025;
принята к публикации 19.06.2025.

Information about the author

A. A. Bakin – Candidate of Sciences (Law),
Candidate of Sciences (Medical)
D. E. Kuznetsov – Candidate of Sciences
(History)
R. A. Karpov – Candidate of Sciences (History)

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 19.05.2025;
approved after reviewing 18.06.2025;
accepted for publication 19.06.2025.